

**«Великий перелом» и крестьянское сопротивление.
Эпизод из жизни поселка Бураново
Черепановского района весной 1930 года.**

События 1929 – начала 1930 гг., как переломный этап в развитии России, обретают наиболее ясные очертания, если рассматривать их сквозь призму микроистории. Анализ конкретных фактов крестьянской жизни периода коллективизации позволяет реконструировать важные черты советской политики и установить прямые последствия разрушения режимом традиционного жизненного уклада сельского населения. Представление о «великом переломе» как начале беспрецедентного государственного насилия над крестьянством при детальном рассмотрении неизбежно ставит вопросы о том, как и в каких формах выражалось крестьянское сопротивление и какова была реакция властей на акты неповиновения. В каких случаях сельское население оставалось пассивным свидетелем произвола в деревне, а в каких теряло терпение и бросалось в открытую, но абсолютно безнадежную борьбу против местных властей? Некоторые ответы на эти вопросы дает изучение коллективного протеста крестьян и реакции органов ОГПУ на примере поведения жителей села Бураново Черепановского района Новосибирского округа в течение весны-лета 1930 года.

Село Бураново 1929-1930 гг. – типичный поселок Сибирского края в 112-ти километрах от Новосибирска, населенный обеспеченными русскими крестьянами-старожилами и не значительной частью переселенцев-бедняков, прибывших в село накануне коллективизации. Переход к созданию «колхозного строя» жители Бураново встретили точно также как большинство других сибирских крестьян, на которых обрушилась мощь административного и карательного аппарата государства в ходе экспроприаций в январе-марте 1930 года. Подготовив внутренний раскол деревни путем мобилизации малоимущих крестьян, объединенных в «сельский актив», районные власти и ОГПУ смогли беспрепятственно провести ликвидацию 13-ти «кулацких хозяйств», а также арестовать глав семейств и выслать семьи в нарымскую тайгу. Имущество и жилые помещения отобранные у ликвидированных «кулаков» послужили основой для первой сельхозартели в Бураново с участием 47-ми бедняков из числа недавно прибывших переселенцев.

Подобным образом создание колхозов протекало и в других селах. В результате к весне 1930-го по всему Черепановскому району было раскулачено 646 крепких хозяйств, что составляло 5,4 % от общего числа домовладенийⁱ.

Одновременно с ликвидацией наиболее зажиточных и экономически независимых крестьян советский режим выкорчевывал и остальные общественные элементы деревни, способные оказывать влияние в селе. Это были священники – последняя идейная и нравственная альтернатива власти коммунистов, сохранявшая авторитет и уважение в сельской среде. В поселке Бураново эту альтернативу представлял служитель православной церкви 60-летний Герасим Михайлович Теодорович, образованный и признанный духовный наставник с опытом чекистской тюрьмы и ссылки. Атаки на священника начались в январе 1930 г. с попытки руками сельсовета покончить с ним путем экономического удушения. Священник защищался как мог. 23 января он направил в Новосибирский окружной исполком заявление с весьма выразительным содержаниемⁱⁱ:

«Бурановский с/совет по настоянию председателя Пахомова 21 января обложил меня налогом в 200 руб., но за что и на каком основании – один аллах ведает. Сельским хозяйством я не занимаюсь, никаких занятий, кроме своей профессии служителя культа, не имею, ни сельскохозяйственным, ни подходящим налогом не облагался, имущества никакого не имею. Какой закон Советской власти дает право с/совету, правильное

сказать, его председателю Пахомову, по собственному произволу, ни с того ни с сего облагать граждан произвольным налогом? Мало того, тот же Пахомов сегодня в присутствии членов с/совета и др. граждан отдал старшему сельисполнителю приказ, когда я буду дома – связать меня и отправить в Черепаново, а за что – тоже не известно. Такие дикие и бессмысленные выходки и распоряжения Пахомова, как представителя власти, в корне подрывающие авторитет советской власти, ясно говорят о том, что он страдает расстройством умственных способностей и ему место не в с/совете на ответственном посту председателя, а в заведении для душевнобольных. А если он такие безобразия и беззакония творит в здравом уме, то он должен быть отдан под суд за превышение власти и злоупотребление своим служебным положением. Во всяком случае должны быть приняты в спешном порядке какие-то решительные меры к предупреждению нарушений общественного порядка и к защите охраняемых законами прав и интересов отдельных граждан (ст. 109 УК) от дикого произвола и самодурства таких председателей как Пахомов».

Вполне очевидно, что заявление столь дерзкого характера, в котором местные исполнители с их «дикими, бессмысленными выходками и распоряжениями» фигурировали в качестве вероятных пациентов сумасшедшего дома, указывало на полное отсутствие какого-либо диалога и означало лишь приближение окончательной гибели священника.

Между тем, в марте 1930-го в «колхозном строительстве» произошел резкий поворот. После сталинского маневра (письма о «головокружении») повсеместно начался обратный процесс: возмущенные крестьяне стали массово выходить из колхозов и требовать возврата изъятого имущества. К концу апреля уровень обобществления в Черепановском районе упал с 57 до 13 %, породив надежду у крестьян, что их наконец оставят в покое. Уверенность в восстановлении прежней справедливости в деревне укреплялась и от того, что ряд местных работников в этот период подвергся строгим наказаниям. За «искривление классовой линии» в ходе коллективизации и раскулачивания в районе 24 коммуниста были отданы под суд и 10 привлечены к партийной ответственностиⁱⁱⁱ. Но отступление властей оказалось лишь видимостью, что в конечном счете и стало причиной крестьянского протеста, который пришлось подавлять усилиями ОГПУ.

Крестьянский бунт. Поселок взбунтовался после того как утром 15 апреля из районного центра прибыл участковый милиционер Дралов, чтобы арестовать священника как «главаря контрреволюционной группы». Дралов расположился в сельсовете и потребовал вызвать священника к себе «с вещами». Не получив желаемого результата и убедившись, что священник добровольно не явится, Дралов решил лично направиться к нему в дом. Но тут в дело вмешались женщины, которые только что принесли молоко семье пастыря и стали случайными свидетелями инцидента. На поднятые ими крики немедленно собралась односельчане численностью около ста человек, на колокольне ударили в набат. Возбужденная толпа окружила милиционера и готова была наброситься на него с кулаками, но в конце концов проявила сдержанность. Перепуганный Дралов вынужден был убраться из села ни с чем.

Спустя два дня власти предприняли *вторую попытку* решить вопрос со священником, а также с теми «кулаками» (9 человек), которые к этому времени бежали из нарымской ссылки и вернулись в село. В Бураново была направлена специальная бригада из райкома ВКП(б) в сопровождении начальника милиции и уполномоченного ГПУ. Ее участники собрали сход граждан с расчетом убедить их прекратить сопротивление и сдать священника в ГПУ. Поскольку крестьяне ясно осознавали, что их протест не имеет серьезных перспектив и их без труда могут привлечь к суровой ответственности, мнения разделились. Одни настаивали на том, чтобы не выдавать пастыря ни при каких условиях, другие склонялись к компромиссу и говорили: если священник виновен, можно уступить,

но только после Пасхи. В итоге получить безоговорочное согласие крестьян так и не удалось.

Рано утром 6 мая в Бураново прибыла новая группа уполномоченных переговорщиков во главе с представителем Черепановского райисполкома Бумаем, задачей которой было добиться «правильной классовой линии» и принять план посевной кампании для села. Собрание было назначено на 8 утра, однако никто из жителей не явился и оно было перенесено на середину дня. К двум часам, после завершения церковной обедни, наконец собрались около 400 человек. Но уполномоченным не удалось навязать свою повестку для обсуждения. Жители стали бурно и настойчиво отстаивать собственные интересы. Они потребовали обсуждать не план посевной, а вопрос о справедливом землеустройстве, о восстановлении в правах всех «кулаков» и «лишенцев» и возвращении им имущества, об оплате подвод по выселению «кулаков» из села. Некоторые настаивали и на том, чтобы выгнать всех колхозников, занявших дома раскулаченных. Как сообщалось в официальной сводке, «присутствующие вынесли решение избрать комиссию для раздачи имущества кулакам. Здесь же были отдельные выкрики лишить права голоса комсомольцев, а уполномоченных РИКа оставить в залог до возвращения высланных кулаков»^{iv}.

По всем признакам конфронтация между властью и местным населением достигла такой остроты, которая грозила перерасти в открытое столкновение.

На следующий день, 7 мая, развернулись основные события: ранним утром в Бураново нагрянул вооруженный отряд из 10-ти человек под руководством представителя райисполкома Бумая, сопровождаемого оперативниками ГПУ. Его целью был арест священника Теодоровича и бежавших «кулаков», в лице которых власти видели основных зачинщиков беспорядков. Но эта *третья попытка* приняла неожиданный оборот: жители внезапно организовали решительный отпор и силой изгнали агентов власти из села. В материалах чекистского следствия отмечалось^v:

«...с приездом группы по селу сразу забежали гонцы, а через 10-15 минут к дому [священника] собралась толпа с кольями, камнями, железными тростями, ножами и т.д. (...) Собравшаяся толпа примерно до 300 человек начала бесчинствовать, нападать на милиционеров и бить их. Запертый в церковной сторожке в целях предотвращения набата сторож Золотухин вылез в окно с ножом, напал на милиционера сзади... Одновременно толпа все увеличивалась. Вместе с женщинами стали активно действовать и мужчины. (...) Из женщин наиболее активными были родственники кулаков: Головина Вера, Филатова Мария, Сталюкова Марфа, Викторенко Анна и др. Последние набрали соли и золы с целью засыпать глаза милиционерам, производившим арест попа. (...) После попытки разговора с толпой и абсолютного ее нежелания говорить отряд милиции под градом камней и палок направился от дома к помещению сельсовета. В это время церковный сторож удар в набат, после чего собралось почти все село. (...) Милиционеры отступили примерно с четверть версты на улицу, где их продолжали осаждать, а вместе с ними и двух уполномоченных РИКа. (...) Ввиду все более осложнявшейся обстановки приехавшие проводить операцию решили выехать из села. В момент посадки на коней 4 человека вышедшие из помещения сельсовета были забросаны камнями и палками... Только выстрелами вверх удалось осадить нападавших».

Сотрудники ОГПУ Баталин и Данилов, бежавшие в соседнее село Огнева Заимка, секретной телеграммой докладывали руководству в Новосибирск оперативную информацию о случившемся:

«7/V - с.г. в 7 часов утра село Бураново попа Теодоровича и бежавших кулаков арестовать не дали, какие-либо аресты производить невозможно. Бураново приняло форму восстания, толпа 300-400 человек, собравшаяся по сигналу в 10 минут с копьями и палками, камнями бросала, била нас и милиционеров, было произведено до 15 выстрелов их охотничьих ружей. Оставляя село Бураново под напором толпы, мы вынуждены были отстреливаться вверх. Председателя сельсовета из села выгнали. 6/V - с.г. на собрании постановили лишить избирательных прав комсомольцев и выслать, восстановить

высланных кулаков. Настроение напряженное, готовят оружие, ждут сигнала из Бураново. Ликвидация мыслима только вооруженным путем при сильном отряде. Выезжали в составе 8 человек, при обороне принимали также участие находящиеся там 2 уполномоченных РИКа. Ждем срочных распоряжений в Огневой Заимке»^{vi}.

В описании этой необычной истории есть также свидетельство другой стороны бурановского конфликта. Это – заявление жены священника на имя прокурора Сибири, в котором приводятся дополнительные детали операции по захвату отца Герасима. Автор – Елена Михайловна Теодорович писала:^{vii}

«7 мая около 5-ти часов утра 9 вооруженных человек, не заезжая в сельсовет и никому не предъявляя своих документов, подъехали к церкви и дому, в котором живем мы, чтобы похитить моего мужа – священника. Женщинам выгонявшим скот на пастбище эти вооруженные люди кричали «стрелять будем». Благодаря чему весть о приезде их быстро облетела все Бураново, крестьяне села стали собираться и, когда увидели куда они подъехали, то быстро сообразили в чем дело. Один из приехавших вскочил во двор кооперации, приказав сторожу не выходить на улицу, другой закрыл церковного сторожа, а остальные окружили наш дом и тоже кричали всем кто подходил к ним. Они подогнали подводу к нашим наружным дверям, раздвинули доски в стене, открыли двери и трое из них очутились возле нас, почти еще спящих, приказали мужу скорее одеваться, так как он арестован. Никаких документов на арест мужа они не предъявили, один из них назвал себя Баталиным, агентом ГПУ из Новосибирска, другой сказал, что он начальник уголовного розыска, а третий и не сказал кто он такой. Не прошло и 10-ти минут, как я собрала мужа в дорогу, а на дворе у нас уже слышны были крики. Они стали выходить, а мужу шедшему последним за ними один из них приказал не выходить за ними. Муж вернулся в комнату и долго сидел одетый, ожидая их распоряжения. Но тут случилось иначе. Эти вооруженные люди в форме милиционеров (говорят, что некоторые из них были колхозники из с. Огневой Заимки) испугались небольшой толпы невооруженных женщин и быстро отступили к сельсовету, забыв у нас в сених свою винтовку, которую муж приказал отдать им. К сельсовету стало подходить больше народу, и эти вооруженные люди стали стрелять из винтовок, а женщины палками и кирпичами прогнали их из села (возле сельсовета много есть кирпичей). Бурановцы хотели сейчас же устроить собрание, но предсельсовета скрылся из Бураново и не было никого, чтобы дать разрешение на собрание. 9-го мая в село приехали: военный прокурор, член Окрисполкома и предрика, а через несколько дней – следователь. Они подъехали к сельсовету, предъявили свои документы и через несколько времени приезжие дружно разговаривали с народом. На собрании устроенном потом прокурор уволил предсельсовета и пробирал комсомольцев, сказав, что они гонятся за священником как за диким волком и что эти «бандиты», как он их назвал, виноваты. Причем здесь мой муж? За что он теперь будет отвечать, ведь на собрании все было выяснено прокурору и остальным. Прошу Краевого прокурора ввиду расстроенного здоровья мужа приказать скорее закончить следствие, так как муж решительно ни в чем не виноват, освободить мужа из-под ареста, а мне дать ордер на свидание с мужем, так как в Буранове больше не хотим жить, а мне надо с мужем посоветоваться куда мне уезжать».

Таким образом, в эпизоде силового столкновения местных властей и жителей поселка сошлись сразу несколько факторов, которые привели крестьян к радикальным мерам: грубые действия «активистов-экспроприаторов», закладывавших основы колхозной жизни, депортация, а затем возвращение в деревню высланных и обобранных крестьян, попытка лишить жителей села их авторитетного духовного наставника и, наконец, лицемерные заявки режима не допускать «крайностей» в коллективизации.

Реакция местных властей и ОГПУ. Добившись временной победы в борьбе за свои интересы, жители Бураново немедленно произвели основные перемены: захваченные «кулацкие» дома и уцелевшее имущество «лишенцев» перешедшее к колхозу были

возвращены прежним хозяевам и организована общественная охрана. Итогом было и то, что в поселке не осталось ни одного комсомольца, а число коммунистов сократилось с пяти до двух. Но достигнутые результаты протестных действий, конечно, не могли быть закреплены надолго и остаться без последствий. Уже на следующий день после волнений, 8 мая 1930 года, комиссия Новосибирского окружкома ВКП(б) приняла решение о радикальной чистке Бураново от «кулацких элементов». 10 мая этот вопрос обсуждался на заседании бюро Черепановского райкома ВКП(б) с участием членов окружкома, окрисполкома, председателя окружного суда и сотрудников ПП ОГПУ – Е.С. Алфеева, И.И. Воронина, А.Г. Флоринского и других. Участники заседания вынуждены были признать, что «Бурановское дело является глубоко политическим и вызвано тем, что там наделано порядочно таких перегибов как лишение голоса середняков и т.д. Актив был создан из кулаков...». Принятое постановление гласило: «В соответствии с решением бюро окружкома ВКП(б) безусловно предпрешить вопрос об аресте кулаков и попа»^{viii}.

В течение последующих двух месяцев в Бураново, а также в прилегающих к нему поселках ОГПУ провело широкую операцию по ликвидации «кулацких группировок». 28 мая были арестованы священник Г.М. Теодорович и его жена, затем и остальные «участники массовой волынки и бесчинств, проходивших 7 мая 1930 года». Только в селе Бураново аресту подверглись 51 человек, включая 10 женщин; еще более 30 подозреваемых взяли в селах Ясная Поляна, Татарка, Карасево, Листвянка, Медведское, Таскаево. Около месяца их держали в следственной тюрьме ОГПУ в Новосибирске, а 14 июня особая тройка ПП ОГПУ вынесла решение: 35 арестованных были приговорены к заключению в концлагерь на срок от 3-х до 10-ти лет (23 из них – условно). 14 человек, в том числе священника Теодоровича, приговорили к «высшей мере» и в ночь на 13 мая 1930 г. расстреляли. Жена священника получила 5 лет лагерей. Последнюю группу обвиняемых по «бурановскому делу» осудили тройкой ПП ОГПУ в сентябре того же года^{ix}.

Для крестьян поселка Бураново последствия «великого перелома» стали радикальным изменением их судьбы. Потеряв значительную часть односельчан, они также утратили экономическую свободу и привычный образ жизни. В то же время в этом эпизоде на пути к «колхозному строю» отразились главные особенности советского социального эксперимента – его иррациональная, абсурдная политическая природа, замешанная на догматизме и произволе. Противостоять этому произволу бурановцы могли лишь теми акциями, которые крестьяне всегда использовали в крайних случаях. Но их протест оказался исключительно локальным событием и потому обреченным на провал, а жертвы, понесенные жителями поселка, стали лишь малой частью той неисчислимой цены, которую заплатило крестьянство за коллективизацию.

Примечания:

ⁱ ГАНО. Ф.-П. 90. Оп. 1. Д. 44. Л. 137.

ⁱⁱ Архив УФСБ по НСО. Д. 17190. Т. 2. Л. 121.

ⁱⁱⁱ ГАНО. Ф.-Р. 1228. Оп. 3. Д. 17. Л. 610.

^{iv} Архив УФСБ по НСО. Д. 17190. Т. 2. Л. 252.

^v Там же. Л. 252-253.

^{vi} Там же. Л. 1.

^{vii} Там же. Л. 238-238 об.

^{viii} ГАНО. Ф.-П. 90. Оп. 1. Д. 44. Л. 126.

^{ix} Архив УФСБ по НСО. Д. 17190. Т. 2. Л. 247, 312-314.